

С.П. Бычков

Русская армия

Под Браунау Кутузов захотел устроить смотр пехотному полку на марше (1, 2, I–II). Задал главнокомандующий задачу командиру полка и его штабу: как выводить на смотр солдат — в парадной форме или нет? «Лучше перекланяться, чем недокланяться», — решили в штабе. Измученные тридцативерстным маршем солдаты вынуждены были всю ночь чистить амуницию. И вдруг прискакавший адъютант разъясняет вчерашний приказ, что главнокомандующий изволит смотреть полк как есть на марше, в шинелях, в чехлах, без всяких приготовлений. Оторопевший полковой командир тут же срывает свою досаду на одном, из батальонных, одобвивших затею насчет парадной формы. Когда махальный оповестил, что едет главнокомандующий, полковой командир вскочил на лошадь, вынул шпагу и с взволнованным лицом приготовился крикнуть. «Полк встrepенулся, как оправляющаяся птица, и замер», — пишет Толстой. «Смир-pp-на! — закричал полковой командир потрясающим душу голосом, радостным для себя, строгим в отношении к полку и приветливым в отношении к подъезжающему начальнику». Так Толстой одним гротескным приемом с головы до ног охарактеризовал военного служаку. Показана Толстым и «народность» Кутузова, понимание им солдатских трудностей и нужд, ненависть к изнурительной для солдата парадности.

А вот как показана рота на марше (1, 2, II). Это не просто серая движущаяся масса: она — цельный, сложный и живой организм. В массовых сценах армейской жизни Толстой старательно выписывает, подбирая меткие сравнения и словечки, положения, в которых раскрывались бы характерные, национальные черты русского солдата.

Толстой показывает, как сопровождает солдата во всех трудных походах родная русская песня. Вот идут роты русских воинов в далекой неметчине.

«— Песенники вперед! — послышался крик капитана.

«И перед роту с разных рядов выбежало человек двадцать. Барабанщик-запевало обернулся лицом к песенникам и, махнув рукой, затянул протяжную солдатскую песню, начинавшуюся: “Не заря ли, солнышко занималось...” и кончавшуюся словами: “То-то, братцы, будет слава нам с Каменским-отцом...” Песня эта была сложена в Турции и пелась теперь в Австрии, только с тем изменением, что на место “Каменским-отцом” вставляли слова: “Кутузовым отцом”.

Оторвав по-солдатски эти последние слова и махнув руками, как будто он бросал что-то на землю, барабанщик, сухой и красивый солдат лет сорока, строго оглянул солдат-песенников и зажмурился. Потом, убедившись, что все глаза устремлены на него, он как будто осторожно приподнял обеими руками какую-то невидимую драгоценную вещь над головой, подержал ее так несколько секунд и вдруг отчаянно бросил ее:

Ах вы, сени мои, сени!

“Сени новые мои...” — подхватили двадцать голосов, и ложечник, несмотря на тяжесть амуниции, резво выскочил вперед и пошел задом перед ротой, пошевеливая плечами и угрожая кому-то ложками. Солдаты, в такт песни размахивая руками, шли просторным шагом, невольно попадая в ногу. Сзади роты послышались звуки колес, похрускивание рессор и топот лошадей Кутузов со свитой возвращался в город. Главнокомандующий дал знак, чтобы люди продолжали идти вольно, и на его лице и на всех лицах его свиты выразилось удовольствие при звуках песен, при виде пляшущего солдата и весело и бойко идущих солдат роты. Во втором ряду с правого фланга, с которого коляска обгоняла роты, невольно бросался в глаза голубоглазый солдат, Долохов, который особенно бойко и грациозно шел в такт песни и глядел на лица проезжающих с таким выражением, как будто он жалел всех, кто не шел в это время с ротой».

Вновь мы видим солдат при переправе через Энс (1, 2, VII). И в этом описании разнообразием реплик, фраз, разговоров писатель создает пеструю картину огромного движущегося людского потока, не безликих солдат, а людей с их индивидуальными особенностями, человеческими интересами, наклонностями, думами и чувствами. Они насмешники, не останавливающиеся и перед грубым солдатским словом, веселые песенники и лихие танцоры. В них с особой силой сказываются национальные черты русских, подмеченные Пушкиным: «какое-то веселое лукавство ума, насмешливость и живописный способ выражаться»

В войне 1805 года Россия не имела кровных интересов. Поэтому о войне говорится иронически. Цели ее не ясны. Определяющим является мотив, высказанный старым холостяком Шиншиным: «Зачем нас нелегкая несет воевать с Бонапартом?» Разъяснения «сангвинического немца», полковника, в сущности ничего не разъясняют. Немец только сбивает с толку. От общих разговоров о войне, в которых солдаты обнаруживают весьма слабое понимание ее целей, они тут же переходят на свои излюбленные бытовые темы: говорят об отдыхе, ожидающем их после трудного перехода, о пище. Но чутьем солдаты чувствуют ход вещей. Они пытаются по-своему определить смысл надвигающейся Отечественной войны. Один из них говорит: «Теперь пруссак бунтует. Австрияк его, значит, умирят. Как он замирится, тогда и с Бунопартом война откроется».

В новой обстановке раскрываются новые черты в характере солдат, все духовное величие русского народа. Канун Шенграбенского сражения (1, 2, V). На виду у неприятеля солдаты вели себя так спокойно, «как будто где-нибудь на родине». В день сражения на батарее Тушина дарило всеобщее оживление, артиллеристы вели бои с крайней самоотверженностью и самопожертвованием. Храбро и отважно дерутся и русские кавалеристы и русские пехотинцы.

Невиданно возрастают героизм и отвага русского солдата в ходе Отечественной войны 1812 года.

Канун Бородинского сражения (3, 2, XX–XXV). Среди солдат и ополченцев царит атмосфера всеобщего одушевления. «Всем народом навалиться хотят, одно слово — Москва. Один конец сделать хотят», — говорит солдат, глубоко и верно выражая в своих бесхитростных словах патриотический подъем, охвативший массы русского войска, готовившегося к решающему сражению. Сообщение о том, что ополченцы надели чистые рубахи, чтобы приготовиться к смерти, Кутузов встречает словами: «Чудесный, бесподобный народ». Тимохин заявляет, что солдаты его батальон отказались пить водку: «не такой день, говорят».

Глубоко патриотично были настроены и лучшие представители русского офицерства. Писатель рельефно показывает это, раскрывая чувства и переживания князя Андрея, в духовном облике которого во время Отечественной войны произошли глубокие изменения: черты гордого аристократа, спесь и тщеславие отошли на задний план, он полюбил простых людей — Тимохина и других, был «добр и кроток» с людьми полка, и его называли «наш князь».